

Рясин Вячеслав Николаевич

В ПЛЕН СДАВАЛИСЬ ТЫСЯЧИ ИТАЛЬЯНЦЕВ

Я родился в феврале 1922 года в городе Иваново. По национальности — русский, по вероисповеданию — православный.

Участие моих родных в строительстве Вооружённых сил и служба в армии побудили меня задуматься о моём вкладе в укрепление могущества армии, повышения обороноспособности страны. Моё стремление помочь Родине было ускорено формированием оси «Рим-Берлин», к которой вскоре присоединилась Япония. Образовались два очага войны: на Западе и на Востоке, что угрожало нашему государству. В таких обстоятельствах на моих глазах произошли такие события, как бои на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, где японская военщина получила от бойцов Красной Армии по зубам. Не без помощи Красной Армии осуществилось воссоединение западных областей Украины и Белоруссии, возвращение Буковины, вхождение в состав СССР Литвы, Латвии, Эстонии. Назревала и вскоре началась война с Финляндией. Всё это вместе способствовало тому, что я твёрдо решил после окончания в 1939 году средней школы в городе Москве, куда мой отец переехал со мной, посвятить себя военному делу. С этой целью я подал заявление о приёме на обучение в Московский авиационный институт. Я сдал на «отлично» сочинение и устный экзамен по литературе, но мне не удалось преодолеть «математический барьер». Но я успел сдать документы еще в Московское высшее техническое училище им. Баумана и был принят на артиллерийский факультет (Е-14).

Однако в 1940 году был призван в армию (в это время началась война с Финляндией, и создалась довольно тревожная обстановка в стране).

Судьба распорядилась так, что я был направлен служить на Дальний Восток. В это время на Дальнем Востоке уже образовался Дальневосточный фронт, главной мощью которого являлась Особая Краснознамённая Дальневосточная Армия (ОКДВА). Ехали призывники из Москвы на Дальний Восток в товарных вагонах 24 дня! Было очень холодно. Наступала зима 1940 года. Я был зачислен с другими москвичами курсантом в 185-ю отдельную роту связи, размещённую на одной из сопок около города Иман (нынче — Дальнореченск), Приморского Края, недалеко от места впадения реки Иман в реку Уссури. Родители писали нам письма, называя город Иман городом «Иван», и письма доходили.

Рота занималась линиями связи границы с Манчжурией, где тогда хозяйничали японцы, они вели себя воинственно, обстреливая с левого берега реки Уссури наших воинов.

Проучившись 9 месяцев в школе младшего командного состава, я получил звание младшего сержанта и стал командиром отделения.

Через некоторое время я был направлен на курсы младших лейтенантов, а затем в военно-пехотное училище около Владивостока, на берегу Тихого океана, которое закончил лейтенантом в 1942 году.

После окончания военного училища я был направлен служить командиром взвода 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады, размещавшейся в городе Комсомольск-на-Амуре. После сообщения Рихарда Зорге о том, что Япония с Советским Союзом воевать не намерена (видимо, бои на Хасане и Халхин-голе Япония не забыла), наша воинская часть в числе многих других частей была направлена на советско-германский фронт, где немцы рвались к Сталинграду.

Со станции Барановской (под Владивостоком) до Брянского фронта мы ехали 9 дней.

Где-то в районе Читы нам зачитали телеграмму Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, в которой он поздравлял личный состав бригады с направлением на фронт и выразил уверенность, что бригада оправдает оказанное ей доверие защищать Родину.

На Брянском фронте летом 1942 года мне запомнились с первых дней пребывания на передовой разведывательные полеты немецкого разведывательного самолета, получившего прозвище «рама» у наших

воинов, после которого вылетали стаи «юнкеров», сыпавших на нас, как из решета, авиационные бомбы. При этом казалось, что каждая из этих бомб летит именно на тебя.

Я помню, как наш офицер, если память мне не изменяет, по фамилии Корнейчук, бесстрашно стрелял из пулемета, установленного в кузове автомобиля «ГАЗ», по пикирующим на нас немецким самолетам, не уклоняясь от летящих бомб.

Вскоре меня переводят на Воронежский фронт, где сначала предлагалась служба в Гвардейском минометном соединении, а затем в 25-м танковом корпусе, завершавшем бои за город Воронеж, разрушенный за время боев на 90%.

Первоначально основные бои, в которых мне пришлось участвовать, развернулись на Юго-Западном фронте против 8-й итальянской армии, занимавшей огневые позиции на правом берегу реки Дон.

В районе верхнего Мамона Воронежской области была налажена понтонная переправа, по которой форсировали водный рубеж сотни наших танков, в том числе и подразделения 25-го танкового корпуса. Форсирование Дона произошло в середине декабря 1942 года. Впечатляло то, что линия итальянского фронта была прорвана благодаря залповому огню артиллерии, гвардейских минометов («катюша») и летящих в брющем полете летающих танков «Ил».

Все это вселяло уверенность, что мы выиграем войну. Наступил перелом в войне. Вместо отступлений начались наступления.

Колонны наших войск, перешедших на правый берег реки Дон, растянулись на несколько километров. Немцы пытались бомбить колонны, но вдоль колонн их самолеты боялись лететь, опасаясь, что их могут сбить зенитки. Поэтому самолеты немцев налетали на колонны сбоку, что не давало немцам нужного эффекта.

Итальянский фронт был прорван. В плен сдавались тысячи итальянцев.

На правом берегу Дона итальянцы создали укрепленный район — подземные дзоты, траншеи, окопы.

В подземных казематах нами были найдены огромные запасы макарон, мясной тушенки, рома.

Сами итальянцы — неважные вояки. Некоторые из них прибыли на фронт с губными гармошками, даже со скрипками.

Пленные итальянцы, в основном рядовые, сами расстреливали своих офицеров, выдавали из колонны пленных немцев (наши солдаты расправлялись с немцами, а итальянцев щадили).

Колонны пленных итальянцев почти без охраны и сопровождения двигались на восток, а наш корпус двигался дальше на запад, освобождать от немцев Россию, а затем Украину. Некоторые итальянцы задерживались в корпусе — таскали воду, готовили нам обеды, у нас с ними сложились добрые отношения.

Один из итальянцев (из Генуи) показывал мне фотографии своих близких — жены, дочерей. У меня осталась алюминиевая кружка с надписью на итальянском «Bottoli».

Но для нашего корпуса итальянская армия была лишь эпизодом военных действий на Юго-Западном фронте.

У корпуса была более серьезная задача — совершить рейд по тылам противника (территории, занятой немцами от Воронежа до Запорожья — это несколько сотен километров).

Такая задача была поставлена командующим Юго-Западным фронтом генералом Ватутиным, приказавшим войскам фронта подтянуться и воссоединиться с подразделениями корпуса.

Но этот приказ, к сожалению, войска Юго-Западного фронта выполнить не сумели, и 25-й корпус оказался в окружении.

Об этом эпизоде в боевых действиях 25-го танкового корпуса писал в книге «Полководец» писатель Владимир Карпов, ссылаясь при этом на воспоминания адъютанта Гитлера. Причем адъютант писал в мемуарах, что в то время, когда советские танкисты ворвались в Запорожье, там проводилось под руководством Гитлера важное совещание с генералитетом. И получилось так, что, с одной стороны, в городе Запорожье его жители радостно встречали освободителей-танкистов, а с другой стороны, окружение Гитлера срочно получило указание от своего фюрера о срочной эвакуации (паковались чемоданы, собирались документы, готовился к вылету его личный самолет).

К несчастью для нас, дело кончилось тем, что вскоре немцы, убедившись, что ослабленный после боев корпус — это не армия и тем более не фронт, окружили корпус.

К этому моменту у корпуса были на исходе горючее, боеприпасы и продовольствие после длинного рейда по тылам противника.

Фронтные части к Запорожью не вышли, Гитлера в плен взять не удалось. Да, видимо, соответствующие органы не смогли поставить в известность командование корпуса о нахождении Гитлера в Запорожье.

Корпус получил приказ об отходе.

Во время рейда по тылам противника мне запомнились такие эпизоды.

Эпизод первый

В одном из населенных пунктов я услышал немецкую речь в деревенском доме, на чердаке, у меня в руках была ручная граната «РГД», и я ее бросил в слуховое окошко чердака, открытое нараспашку в виде бойницы. Но она в окошко не попала, ударилась о стенку дома и упала к моим ногам. Мне удалось броситься за угол дома как раз в момент взрыва, ее осколки разлетелись в разные стороны, однако, к моему счастью, они пролетели мимо меня.

Эпизод второй

В другом населенном пункте я с автоматом «ППД» двигался по правой стороне улицы. Мне навстречу на большой скорости, буквально в трех метрах от меня, передвигался немецкий танк песочного цвета (видимо, он был переброшен из Африки). Что я мог сделать со своим автоматом? Приготовился принять немецкую пулеметную очередь на себя. Но мне опять повезло: немецкие танкисты меня не заметили. Пронесло...

Эпизод третий

Тем не менее немецкая пуля из танка меня не миновала. В рейде в еще одном населенном пункте на Запорожском направлении меня ранило на льду небольшой речки в левую голень. Мне перебило обе кости, двигаться я не мог, хотя дело было ночью, немцы освещали район боевых действий ракетами. Светло было как днем, и меня, раненного пулей и лежащего без движения на льду, заметили санитары. Они выволокли меня по льду и снегу на плащ-палатке и эвакуировали в полевой госпиталь сначала в Миллерово, затем в станицу Каргинскую Ростовской области. В госпитале был поставлен диагноз: газовая гангрена. Врачи пытались спасти раненую ногу: мне сделали 4 продольных надреза голени, но началось артериальное кровотечение, мне ампутировали левую ногу на уровне бедра (операцию делал московский хирург).

В госпитале я пролежал почти год. В станице Каргинской я лежал в помещении школы. В палате лежало примерно 10 раненых. Казачки станицы забирали раненых молодых солдат и лейтенантов, разбросанных по всей станице, к себе в избы и выхаживали своими силами. Подполковник медицинской службы Саратьян Петр Артемь-

евич и его жена, тоже медик, выхаживали меня долгое время, после моей выписки из госпиталя писали мне письма. Также я поддерживал связь и встречался с медсестрой Тумановой Ириной, которая первая обратила внимание на то, что я истекаю кровью после операции. Последний госпиталь находился в Пензе (№3530). Там я протезировался и женился на ординаторе Стрельцовой Зое Яковлевне (лейтенанте медицинской службы).

За участие в боях я награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу».

Руководство Совета ветеранов 25-го танкового корпуса спустя много лет после исторического рейда получило письмо от жителей Запорожья о том, что на его глазах немцы сжигали заживо пленных танкистов 25-го корпуса. Жители Запорожья захоронили тела танкистов в братской могиле и установили скромный памятник погибшим танкистам. Жители Запорожья просили оставшихся в живых от того рейда приехать на могилу и помочь восстановить имена погибших танкистов.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Шамота Андрей Александрович*, студент 3-го курса Московского авиационного института